

ПОЭЗИЯ

Эдуард Шнейдерман

И З К Н И Г И
О С Я З А Н И Е

Родился в 1936 году в Ленинграде.
Учился на русском отделении филологи-
ческого факультета Ленинградского универ-
ситета.

Стихотворные книги:

Захолонь (1962)
Городские сказки (1972)
Изостихи (1978)
Причастие (1983)
Осязание (1986)

Печатался в журнале "Часы" №№
"Нева", сборниках "День поэзии" и
"Круг".

+ + +

Постепенно, гляжу, вермутовой бутылки литровость
тает терпким вином, наполняется воздухом - наполовину,
на две трети - как грустно! - на восемь, на девять десятых,
на замке магазины, а жажда отнюдь не ушла, еще выпито мало,
наговорено, главное, мало по сути, по самому смыслу,
чтобы смыло всю горечь с души и смыло всю душу
чем-то чистым, небесным, допью и под дождь побегу и подставлю
под него все лицо, тело, душу - смелей, не жалей, дождь, работай,
слету бей, промочи и промой, простучи и проникни повсюду,
не оставь сухой ниточки, весь я открыт и доверчив -
в городской этот верю коктейль: дождь на вермуте, реки, каналы,-
ведь так много мучительной жажды скопилось внутри, что, пожалуй,
я до смысла случайной, мне на время дарованной жизни еще добе-
русь, доберусь.

1985

Вдовец

Мается мужик: "Душа
что ни делаю горит
год как померла жена
антифризу опилась
понимаешь ли шофер
(ну торговые дела)
перепутал падло кран
в одночасье загубил
восемнадцать человек
двадцать годиков мы с ней
кантовались так и сяк
год прошел а все душа
Что ни делаю горит

ты конечно извини
одному сидеть тоска
сыновья на стороне
не люблю у них бывать
ну да что тут толковать
ладно примем разливай
ереванский портвешок!"

1986

С л е п о й

"Переведите! -
слепой неопрятный старик
цепко хватает за локоть
тащит меня через улицу тащит
и говорит говорит

Вот ты идешь из райкома
где тебе дали совет
подаваться в Дом престарелых
что делать что делать беда

Пять душ в одну комнатенку
невестка всегда насмехается
за что ты боролся и что пожинаешь
глупый слепой старик
гонит на кухню
сын безучастен
молчит и курит
вежо курит вздыхает молчит

Мне тебя жаль
бедный старик
так много прожил
так мало понял
ведь какая-то вышла ошибка

во всей твоей жизни
и мне тебя жаль
несуразный слепой
вдвойне слепой старик

1985

Ветеран

По магазинам ветераны
весь день усердно ветеранят
а ночью раны растирают
целебной мазью и тиранят
родню рассказами о том как
в разведке боем тридцать фрицев
одной гранатой уложил
такой герой уж вы не спорьте
от века не ходил по курде
а штабники зажали орден
он дал какому-то по морде
и был штрафбатом награжден
Быть трансформируя в былину
он повествует не спеша
как досржался до Берлина
ему не внемлет ни душа
и вся-то жизнь осталась в прошлом
всем некогда куда спешат
и ничего нет в настоящем
родня вскипела спать пора
и в будущем одно былое
и муха бьется о стекло
Он дышит прошлым в настоящем
есть у него поющий ящик
военных повестей рассказчик
военных песен поставщик
есть и другой и в нем немало
батальных телесериалов
пусть правда в них не ночевала

но душу лечат тешат глаз
а в форточку исчадьем ада
прет молодежная эстрада
и сердце захлестнет досада
эх нету Сталина на вас!
Но есть в году денек заветный
когда поднявшись в час рассветный
он видит солнца луч приветный
и из коробки достает
орлом взирая что ~~надежи~~ видали
значки и звонкие медали
и хоть изрядно не додали
он марш под нос себе поет
и бедной медью весь увешан
и этой музыкой утешен
подтянут празднично-неспешен
выходит словно на парад
и мерно шествует налево
и от угла свернет направо
опять туда потом обратно
втянув живот расправя грудь
Прохожие проносят водку
шампанское и бормотуху
в кошелках разные закуски
большие торты и цветы
а молодняк магнитофоны
гримящие как вражьи танки
а мужики к ларьку за пивом
со всей округи собрались
Его никто не остановит
о ратных подвигах не спросит
за что награды не узнает
а он все ходит допоздна
как маятник часов старинных
но боже как болят суставы
в великий всенародный праздник
где ты не нужен никому

С у м а с ш е д ш а я

Почки взорвались в саду,
Птицы ликуют —
синички и воробы.
А она —
по дорожкам гуляет,
ходит, гуляет, глядит.

Уродлива — не передать:
немытые волосы клоками торчат,
совершенно седые,
лицо — серозёём,
все на ней ветхое,
вечная полуулыбка
на губах блуждает.

Остановилась,
достала из сумочки зеркальце,
посмотрелась,
подкрутила кудельку,
подкрасила губки,
подгудрилась
и идет себе дальше,
идет себе дальше, гуляет.

Это здешняя сумасшедшая.
Она совсем не опасна.
Не пугайтесь, не тронет.
Просто бедняжка чувствует весну.
Но не так, как мы, — острее.

... Я иду, молодая, статная,
в сердце — звонкая радость,
в теле — томленье,
и чего-то мучительно хочется,
чего-то мучительно хочется,
а чего — непонятно ...

На скамейку присядет,
улыбаясь, вертит головой,
из сумочки булочку вынет
и кусает, держа двумя пальчиками,
кусает, крошит.

Птицы ее не боятся,
подлетают к самым ногам —
важно ступают голуби,
воробы суетятся, кричат,
кричат, суетятся.

Все проходят по этой аллее.
Поглядят — отшатнутся.
И никто не присядет рядом.
Никто не присядет рядом.
Никто не присядет рядом.

1974

На случайную встречу с Г.Г.

Прости, я на тебя взглянул небрежно,
как на прохожего, а это ты, приятель
когдатоший, тут, на углу Чайковской
с Литейным, у ларька берущий "Правду",
тогда как я — бегом с авоськой — масло
подсолнечное, макароны, что-то
еще влеку из гастронома мимо
ларька домой, мимо тебя, а также
мимо себя, пришибленного память
разматывать, каким ты был лет двадцать
назад и чем ты стал теперь пытаясь
постичь, — увы, когдатошность милее —
ведь ты, прости, похож (себя не вижу)

101.

на шкаф добротный платяной, артикул
такой-то (уточним!), двух-, нет, пожалуй,
трехстворчатый, вместительный, в котором
содержится в порядке образцом
твое добро: вон там — носки, пижамы,
исподнес, платочки носовые,
тут — чистые сорочки всех расцветок,
а здесь — костюмы виснут на распашках,
но где стихи? на сокровенной полке?
их нет нигде, как будто не бывало,
а ведь была — поэзия! о, боже,
что с нами ты творишь? непостижимо,
что Время с нами делает! — хватает
железными ручищами, сминает,
помнит и, как захочет, перелепит,
сомнет и перелепит, будто глину,
и все ушло, что было — жизнью, было
тобой, и ты — пустая оболочка,
на страшном расстояньи отстоящий
сам от себя, забывший быть собою,
отрекшийся навеки от себя
и всем чужой.
Нет, мы себя не знаем,
и мы не ведаем, зачем сюда пришли.

1985

Вечное движение или
День сантехника

продрал глаза
и сразу послал супругу к ядерной матери
во рту было мерзко
сплошная помойная яма
под глазом саднило
подташнивало
все-таки встал

прополоскал рот
морду смочил
откусил колбасы и вяло жевал
аппетит отшибло
выпил заварки
послал
неясно кого (жена уже смылась)
куда-то не столь далеко
и погнался в свою жилконтору
покурил поплевал
сползнул к ларьку
хватило на пару пива
чуток полегчало
покурил поплевал
во дворе в закутке помочился
побрел по квартирам
нашабашил два раза
себе на лекарство
в свой законный обед
рванул с корешком в гастроном
скинулись
с боя добыли брандспойт бормотухи
и собачьего студня кусок
вздрогнули
аппетит разыгрался
выскребли все подсчитали
не хватало руля
прижали знакомую дворничиху
стрелянули рупь до получки
взяли еще крепыша
завернули в подъезд раздавили
 занюхали коркой чернишки
культурно в углу помочились
завели разговор
отправляя друг друга к такой-то мамаше
выкатились
повстречали дружка

расколсившего тещу на трёхдель
это дело решили отметить
взяли еще
зашли раздавили
занюхали мануфактурой
подымили похаркали вволю
помочились у лифта
потрепались
и опять популярная мать с языка не сходила
пособачились и перегрызлись
выяснили отношения
схлопотали по фонарю
расплевались
вышел
зверски мучило
вывернуло полегчало
посидел посмогил поплевал оклемался
двинул дальше
на углу помочился публично всем гадам назло
и зигзагами стал пробираться домой
дотащился
грохнулся мимо кровати
переспал на полу
а наутро
продрал глаза
послал супругу к самой ядреной матери
и понеслось

1980

Г о ды С в и нь и

В растерянности чешешь темя
Совсем по-русски, без затей
И видишь в ужасе, как Время
Крет, как свинья, своих детей.

Ты смотришь в ужасе, как Время
Жрет, как свинья, своих детей,
И обалдело чешешь темя
В растерянности, без затей.

В безумном страхе, весь потея,
Бормочешь: в мире нет затей,
И вот ... хорошая затея –
Жрать, как свинья, своих детей.

Стоишь торчком и чешешь темя
И постигаешь до костей:
Ты – Времени дитя, а Время
Жрет, как свинья, своих детей.

1983

